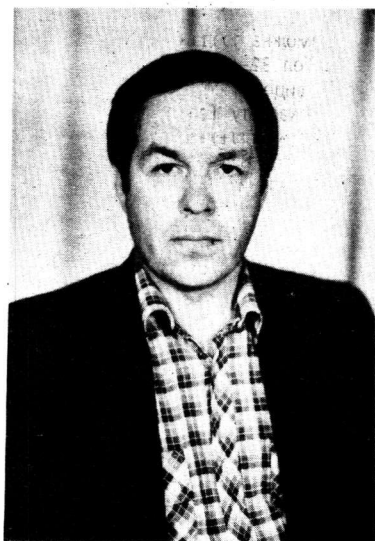




## Свет и мрак

### Венок сонетов

VI.  
Как только быть в плену чужих видений —  
для многих на земле единый путь,  
кто проживает век свой «как-нибудь»  
в сиянье света, мнимых достижений.

А человек в огне ночных смятений,  
когда себя вовек не обмануть,  
сумеет даже мрак перешагнуть  
и свет зажечь для новых поколений.

Но жизнь его — один единый крик,  
и вздох, что улетает в смертный миг  
к владычице космических владений.  
Да, жизнь у человечества одна.  
А нить спасенья так и не видна —  
ты вновь поймешь, как раб земной и гений.

VII.  
Ты вновь поймешь, как раб земной и гений,  
в объятиях возвратной той поры,  
что не найти далекие миры  
в просторах галактических делений.

Не одолеть желаний и хотений,  
пусть даже среди умственной игры...  
И кружатся проспекты и дворы  
под силой полнолуний и затмений.

И пусть года летят и канут в вечность —  
да разве нам откроют бесконечность,  
где всей Вселенной тайное зерно.

Век звезд и наш — условно объяснимы...  
Горит в душе огонь неугасимый.  
Что свет и мрак? Единое одно!



VIII.  
Что свет и мрак? Единое одно!  
Молчат во имя правды обелиски,  
где люди скорбно кланяются низко  
за то, что нам познать разрешено.

Но где-то есть природное звено,  
в котором заготовленные списки  
(как дьявола надуманные искли...) —  
коль все живое к смерти сведено.

Зачем она безжалостно жестока?..  
Как видно, знает: далеко-далеко,  
когда сгорит последняя звезда...  
За что же? За любовь, за прегрешенья  
карает нас небесное решение?  
Едино все — улыбка и беда.

IX.  
Едино все — улыбка и беда,  
когда богаты верными друзьями...  
Тогда не надо уверять слезами,  
понятно будет просто слово «да».

Но почему рождается вражда  
людей простых, как будто тех князьями?  
Сначала поделились бы гвоздями  
на крышку гроба... Нет же — никогда.

Коль так они решили жить на свете,  
то — право их. Но есть еще и дети,  
чья жизнь, как родниковая вода.  
Пусть слушают под каблуками льдинки  
и как шумят осенние дождики,  
и песни, что пропели провода.

X.  
И песни, что пропели провода,  
наверно, нам понять совсем несложно.  
Мы столько лет влачили жизнь безбожно,  
что все грехи замолим ли когда?

Не потому ли скудная еда?..  
Но почему другим сегодня можно  
с грехами жить (и многое возможно),  
не ощущая горя и стыда?

У них другой на свете Боже есть,  
что позволяет сладко пить и есть  
под нежной синевой небосвода.  
Быть может, потому по вечерам  
печаль и грусть приходят в гости к нам  
в разгуле опостылевшей погоды.

XI.  
В разгуле опостылевшей погоды  
жизнь кажется далекой и чужой,

Николай КРЫЛОВ

где словно фантастической межой  
идут сквозь память золотые годы.

Где сотни лиц — красавцы и уроды,  
свобода и мечты — о, Боже мой!..  
Все покусал мой пес сторожевой,  
как атрибут заокеанской моды.

А что же мне от всех надежд осталось?..  
Мои две дочки — разве это малость?  
Вот эта ночь и яркая луна...  
И пусть в душе тревожно и морозно,  
нам осознать свое вовек не поздно —  
громады гор едины и весна.

XII.  
Громады гор едины и весна,  
дарующие людям наслажденья.  
Пусть даже снеговые наводнения —  
не помутнеет чувств к ним глубина.

Она любви и счастьем отдана,  
хрустально-нежным бликом вдохновенья.  
Но чистоте спокойного течения  
не передать всего коварства дна...

Так и бегут года, текут, как воды.  
Живут, растут, меняются народы,  
а, значит, с ними вся моя страна.  
Где то шумят, то горько восклицают,  
и весь свой век печально созерцают:  
сиянье звезд и бесконечность сна...

XIII.  
Сиянье звезд и бесконечность сна —  
невидимые взгляду параллели.  
Они для нас, увы, не птицы трели,  
а бесконечной бездны тишина.

Для нашего познания — стена,  
уж как бы мы пробиться не хотели,  
нас ожидают райские постели,  
а, может быть, иная сторона...

И как мы ни храним, а в сердцах  
идет по жизни с нами тихий страх  
правдивой и безжалостной породы.  
Он год за годом ближе и смелей,  
он — смерти дух, и нет его сильней...  
А ты — всего лишь капля природы.

XIV.  
А ты — всего лишь капля природы,  
разумного и доброго творец.  
Не сотвори желанием дворец,  
а дай родной душе виток свободы.

Ей свет и мрак — простые антиподы,  
и счастье жизни — сказочный парец,  
в который бьется боль чужих сердец,  
живут печаль, разлука и невзгоды...

И каждый раз, как ночь на землю сходит,  
а над землей луна свой путь проходит,  
то этим светом все поражено.

Душа насильем мраком не выносит  
и умоляет, требует и просит:  
в полночный мир открой свое окно!..

XV.  
В полночный мир открой свое окно,  
и ты увидишь свет луны и тени.  
И оживет плоть странных тяготений  
твоей души и вечного — темно.

В такой вот час иного не дано,  
как только быть в плену чужих видений...  
Ты вновь поймешь, как раб земной  
и гений,  
что свет и мрак? Единое одно!

Едино все — улыбка и беда,  
и песни, что пропели провода  
в разгуле опостылевшей погоды.

Громады гор едины и весна,  
сиянье звезд и бесконечность сна...  
А ты — всего лишь капля природы



Наташе Фокиной 17 лет, она заканчивает гуманитарный лицей. Литературой увлекается довольно давно и серьезно. С начала учебного года посещает занятия на открытом факультете лица по курсу «Литературное творчество. Проза».

Вне всяких сомнений, Наташа обладает незаурядным творческим потенциалом. Проза ее выразительна и поэтична. Что особенно важно, потому как литература в истинном смысле — это только поэзия. Любая проза занимает место в литературе только благодаря содержащейся в ней поэзии.

Наташа работает в нетрадиционном для нашей литературы ключе. Ее проза представляет собою, скорее всего, авангард. Уже известный и достаточно разработанный ныне стиль «потока сознания». Поэтому относиться к ней следует совершенно конкретным образом. Такого рода произведения обращены скорее не к разуму, а к интеллекту читателя. И восприятие их, разумеется, по силам не каждому. Здесь требуется, в известной мере, духовная организация и сформированный вкус.

Олег ХАНДУСЬ,

прозаик, член Союза писателей России.

Наташа ФОКИНА

## Асфальтовый бог

Холодный воздух. Шумные компании. Громкий смех. Новый год, праздник... А Асфальтовый Бог спит, на нем тяжким грехом лежат пласты испропанного снега. Асфальтовый Бог спит, и все, что там, над снегом, — его сны, много всяких разных черно-белых зимних снов. И снится ему все — и зима, и лето, и люди, и мысли, и дела их, и окна домов золотистые.

Бог ведь он.  
Спит Бог, спит, а над ним люди ходят, разговаривают:

— Все в этом мире продается, все покупается, — говорит кто-то.  
— Все-все?  
— А как же!  
— И даже любовь?  
— И любовь.  
— Неправда! Это неправда, неправда! — скались в кулачки тонкие замерзшие пальцы.  
— Ну почему же, моя маленькая?  
— Потому что мне не нужна любовь, которая продается, которую на каждом углу купить можно.

Спит Бог, спит. Снятся ему его, боги сны. Окна горят, снег скрипит под сапогами. Ходят люди. В шабках, в шапках, с автоматами.

В телефонной будке человек стоит, говорит что-то. Трубку повесил, лезвие из кармана достал.

Спит Бог, спит. Лето ему снится, трава зеленая, пикник на обочине, все люди веселые, радуются, водку пьют, и Бог Асфальтовый с ними вместе, он всегда там, где люди. А тут вдруг вертолет прилетел, лето, стало быть, кончилось.

Спит Бог, спит, и жизнь ему снится веселая, радостная. Дети в школу бегут, листья с деревьев падают. Идет по нему, по Богу Асфальтовому, мадам Напыльник. Хипей разгоняет идет. Одна идет, не боится. У них, у хипей, пачифики чугунные давно уж менты отобрали. А солнце светит, птицы поют, кружат над мадам Напыльником, в стаи собираются, каркают.

Спит Бог Асфальтовый, и снится ему, как солнце всходит, день новый настает. Человек бежит в костюме тренировочном. Легко ему бежать по снежку, спортсмен, чать. Собаки за ним бегут, хорошо по морозу бежится. Все бегут, до чего же хорошо!

Ворочается во сне Бог Асфальтовый, нехорошо ему как-то. Вон демонстрация идет — прям как наяву видит Бог. Хлеба люди просят, транспаранты у них большие, шарик разноцветный, глаза голодные, лица веселые, радостные.

Спит Бог, снится девушка ему. С балкона вниз смотрит, Бога зовет. Не его, Асфальтового, — другого, своего, Балконного, может.

И никому-то он, Бог Асфальтовый, не нужен. Никто про него не знает. А ведь все по нему ходят, все на нем лежать будут.

Спит Бог, спит. И сны ему снятся все какие-то тревожные, нехорошие. Лед грудь давит, пластом тяжким лег. И что ж мы снег белый, пушистый втоптали так... Трудно быть Богом Асфальтовым, тяжело под снегом спать, никому не нужному. Всю душу растоптали сапогами, колесами автомобильными раскучили. Спит Бог, спит, и сны ему снятся всякие, про людей, что над ним ходят, про зиму, про лето...

Спит он, крепко спит, только лед с каждым днем все сильнее давит.